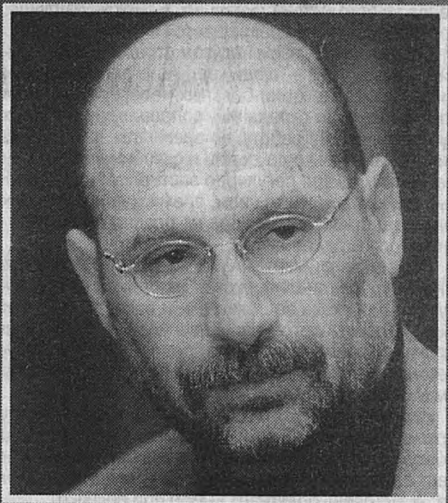

РАЗЛУКА

БОРИС АКУНИН И ОНА

Дожливым вечером в пустынном дворе Библотеки иностранной литературы возникла фигура в длинном темном пальто. Не разглядывая лица, укутанного шарфом до ноздрей. Из-под низко надвинутой шапочки туманились очки. Человек шел устало и расслабленно, словно его ожидало прощание с некогда любимой, но уже не единственной страстью. Он отворил дверь, подошел к гардеробу и разоблачился: в родной стихии можно побить незащищенным Григорием Чхартишвили, или Борисом Акуниным, как вам будет угодно.

Невысокий, бородатый, в сереньком пиджаке, он неторжественно поднялся вверх. Вскоре ранние гости застали знатока японского искусства и автора модных бестселлеров за непривычным делом: он носил в коробке Ее. Не обнаженную женщину, а антологию новой японской прозы в двух томах — женском и мужском. "Она" в черном коленкором переплете составлена Григорием Чхартишвили, автором изящного предисловия и переводчиком сочинений двух писателей. "Он" — в серой обложке — составлен и благословлен Мицусэ Нумано, свободно владеющим русскою речью. Этот дуэт — свидетельство вечного противоборства женского и мужского начал.

Японская публика радостно приветствовала и переводчика Чхартишвили, и беллетриста Бориса Акунина. Он ждал эту книгу лет двадцать и с удовольствием работал над ней:

— В первой антологии новой японской прозы — звезды первой величины. Они показатель современного литературного процесса.

Нас познакомили с тремя из них. Ёко Тавада, нежная, уютная, похожая на девочку, изучала русский в университете, затем дипломированная филология уехала совершенствоваться в аспирантуре Гамбургского университета. Ее произведения отмечены в Германии премиями. А новелла "Собачья невеста" удостоена почетной японской премии Акутагавы.

Эми Ямада — изысканная молодая особа, озорница с весьма наступательным характером. Ее дебютная вещь "Глаза в ночи" повергла читателей в шок бурными любовными сценами. Чернокожего американца и японскую девушку она представила виртуозами плотской любви. Эми призналась в своем экзотическом коллекционировании: отовсюду она привозит соль. Уже купила русскую. Дома приготовит блюдо и созовет друзей.

Один из ведущих писателей Японии Масахиро Симادا, элегантный молодой господин, закончил русское отделение Токийского университета. На отличном русском, шутя, он пожелал собравшимся:

— Если вам понравятся "Она" и "Он", рекомендуйте их друзьям. Если не понравятся, пожелайте их прочесть своим недругам.

Григорий Чхартишвили более интимно обратился к читателям:

— Примите девочку, которую зовут Новая Японская Литература, в объятия... Ей-богу, девочка того заслуживает.

Книжка, изданная "Иностранкой" при поддержке Японского фонда, стоит недорого, а читается взахлеб, поверьте мне.

Есть и новость: беллетрист Борис Акунин больше не будет переводить с японского. Отдает себя во власть собственных сюжетов, которые лезут из его головы, как из мясорубки. Читая переведенные им вещи, понимаешь, что беллетрист частично оплодотворился субстратом молодой японской прозы. "Собачья невеста" и "Водяной мешок" в его переводе несут психологизм, невраст, волнообразную смесь настроений персонажей, да и самих авторов. Все это переводчик нам разъяснил. Скрыть невозможно — эта область человекознания близка и его собственным писательским устремлениям.

"Канкан крови и любви" японских авторов становится сейчас фактом русской литературы, так удачны переводы. Живая речь, свободное дыхание, естественность жеста — все это признаки хорошей прозы. "Женский" сборник, по мнению Чхартишвили, получился сильнее. Женщины откровеннее в высказываниях, особенно "о том, что мужчины сволочи и понять их невозможно". Переводчик находит в японском женском письме "дань времени: безумную, нерелексивую и почти бессюжетную молодежную прозу. Японскую вариацию магического реализма. Легкий сюр. Тяжелый "технокосмос", он же киберготеск".

Чхартишвили в имидже Акунина старается укрыться от постороннего взгляда. Интервьюеров в свой мир пускать не желает. Будет жалко, если Григорий Шалвович совсем растворится в Борисе. А по сути Б.Акунин — всего лишь своеобразная тень интеллектуала Чхартишвили, отважного игрока на современном, почти обескровленном развлекательной-литературном пространстве. Иные западные писатели и философы отдавали тени тайные порывы, темные страсти и смутные вожделения, называли ее "внутренним дикарем". "Внутренний дикарь" имеет тенденцию рваться на свободу. Отважные проекты Б.А. осуществляются с головокружительной скоростью. Лишь бы тень не оторвалась от ее владельца.

Наталья ДАРДЫКИНА